

РОЛЬ ДИСКУРСА В ОРГАНИЗАЦИИ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПОЗИЦИЙ

В статье анализируются два основных направления в изучении дискурса. Первое направление берет свое начало в работах Р. Барта и наиболее полно представлено в дискурсивной концепции власти М. Фуко. Второе направление связано с творчеством Ю. Хабермаса, который использует дискурс для прояснения коммуникативного действия и понимает под дискурсом обсуждение, порождаемое публичной сферой. Политическая позиция рассматривается как результат социальной траектории политика (по П. Бурдьё), в противовес субъективному пониманию политической позиции.

Роль обсуждения в организации политической позиции (в противоположность дискурсивной власти) изучается с помощью методики подсчета числа “ссылок на другого” в выступлениях партийных лидеров современной России (их склонности к коммуникативному действию). При этом по мере возрастания роли культурного капитала в позициях партийных лидеров возрастает роль публичной сферы и ведущими становятся политические позиции, связанные с публичной сферой и социальной траекторией политика. И наоборот, возрастание роли экономического капитала в политических позициях ведет к возрастанию роли дискурса по Фуко.

Введение

Ролан Барт одним из первых показал тесную связь языка и власти или, точнее, власти и дискурса, так как язык является мертвым без говорения. “Преподавание, простое говорение с кафедры, свободное от давления каких-либо институтов, вовсе не является деятельностью, по статусу своему чуждой всякой власти: власть таится и здесь, она гнездится в любом дискурсе, даже если он рождается в сфере безвластия <...> Ныне «простодушные» люди рассуждают о власти так, словно она едина и единственна; с одной стороны, существуют те, кто обладают властью, а с другой стороны, те, кто ею не обладают: некогда же полагали, что власть — это сугубо политический феномен. <...>

«Имя мне — Легион», — могла бы сказать о себе власть: отовсюду раздаются «ответственные» голоса, берущие на себя ответственность донести до нас самый дискурс власти — дискурс превосходства. <...> Я называю дискурсом власти любой дискурс, рождающий чувство совершенного проступка и, следовательно, чувство виновности во всех, на кого этот дискурс направлен. <...> Объектом, в котором от начала времен гнездится власть, является сама языковая деятельность, или, точнее, ее обязательное выражение — язык” [1. с. 547—548].

Эти слова из Лекции Барта 1977 г. стали уже неоспоримыми в наше время. И эти слова предопределили для многих исследователей в Европе широкое использование слова “дискурс” при описании политических процессов. Концепт “дискурс” становится значимым и для нашей страны. История этого концепта уже достаточно богата. Пиком популярности исследований дискурса стал период после событий 1968 года в Париже, это, в частности, определило “французский” характер концепта и, одновременно, тесно связало дискурс и политику. Большинство теоретиков дискурса обращаются к политическим проблемам и, прежде всего, к проблемам власти, из чего можно сделать вывод о том, что дискурс — одно из важнейших понятий в исследованиях политической жизни, особенно в работах европейских исследователей.

Количество написанного о дискурсе очень велико, поэтому имеет смысл ограничиться основными социально-политическими концепциями дискурса, остальные трактовки дискурса в этой работе не учитываются. Прежде всего, я ориентируюсь на теории дискурса Юргена Хабермаса и Мишеля Фуко, а также их предшественников и продолжателей.

Кроме уже указанных Ю. Хабермаса и М. Фуко, используются концепции Э. Бенвениста, Р. Барта, К. Бюлера, Г. Маркузе, Дж. Остина, Дж. Серля, Э. Гоулднера. Кроме того, используются рассуждения о языке и речи в работах Ф. де Соссю-

ра и М. Хайдеггера. Автор согласен с мнением Т. Рокмора о том, что за Хабермасом стоят Гегель и Кант [2], распространяя это также и на Фуко.

Теория дискурса: возникновение понятия

Рассматриваемые в данной статье теории во многом являются уже историей идей. Эта работа является лишь попыткой дать схематичное изложение некоторых моментов описания и понимания дискурса.

Первым понятие дискурса в научную дискуссию ввел Ролан Барт: «В дальнейшем мы будем называть речевым произведением, дискурсом, высказыванием и т. п. всякое значимое единство, независимо от того, является ли оно словесным или визуальным» [3, с. 74]. У него дискурс сразу приобрел специфическое политическое звучание, которое сохраняет до сих пор. Началом моды на дискурс стало его использование в работе Г. Маркузе «Одномерный человек» [4]. Маркузе, не являясь специалистом в лингвистике, ссылается на авторитет Барта, и используемая им интерпретация дискурса также целиком является концепцией Барта. После того как книга Маркузе получила мировую известность, дискурс становится популярным понятием в критической теории общества, прежде всего в областях, занятых изучением власти в ее неспецифических формах. Это внедрение дискурса во французскую науку и одновременный этому процесс обращения к идеям «позднего» Витгенштейна в англоязычной научной среде [5] М. Хайдеггер назвал лингвистическим поворотом [6, с. 259—273].

Концепция дискурса Барта-Маркузе послужила основой для концепции дискурса Фуко и была полностью поглощена ею. В свою очередь Фуко оказал большое влияние на Барта, поэтому я буду называть общую концепцию Барта-Маркузе-Фуко концепцией дискурса Фуко.

Фуко назвал дискурсом совокупность речевых актов, объединенных одной проблематизацией. «Проблематизация — это совокупность дискурсивных и не дискурсивных практик, вводящих нечто в игру истинного или ложного и конституирующих эту игру в качестве объекта мысли» [7]. Такую совокупность Фуко назвал формацией дискурса. «Наш анализ описывает систему рассеиваний. Если между определенным количеством высказываний мы можем описать подобную систему рассеиваний, то между субъектами, типами высказываний, концептами, тематическим выбором мы можем выделить закономерности. <...> Мы имеем дело с дискурсивными формациями» [8, с. 33]. Другие понятия Фуко — формации объектов, формации стратегий, формации модальности высказываний. По мнению Фуко, дискурс выражается высказываниями. «Наконец, вместо того чтобы постепенно сужать и без того смутное значение слова «дискурс», я только умножил смыслы: то ли это общая область всех высказываний, то ли индивидуализируемая группа высказываний, то ли установленная практика, учитывающая некоторое число высказываний» [8, с. 81—82]. Формация дискурса — это совокупность всех существующих и возможных высказываний, объединенных проблематизацией.

У Бурдьё понятие дискурса трансформировалось в понятие поля или логики поля. Во многом упрощая, можно сказать, что дискурс — это те позиции, которые возможны в соответствующем поле, и те речи, которые возможно держать с этих позиций, т. е. дискурс можно представить как совокупность позиций и диспозиций поля, образованного дискурсом. В частности, дискурс политики образует поле политики, определяет возможные позиции в нем и распределяет среди агентов диспозиции в соответствии с запланированными позициями. Однако дискурс политики — это настолько глобальная дискурсивная формация, что изучать ее не представляется возможным. Например, дискурс российской политики — это совокупность всего того, что говорили в России о политике на протяжении всей истории России. Можно исследовать меньшие по объему дискурсивные формации, объе-

диненные более узкими проблематизациями, чем политика во всех ее смыслах. Эти формации дискурса, в силу их меньшего объема, уже не могут отождествляться с полями у Бурдьё, хотя сам Бурдьё часто создает поля, релевантные этим более мелким формациям дискурса. Главное отличие места у Фуко от позиции у Бурдьё состоит в принципе их конституирования. Позиция есть структура капиталов у Бурдьё и ограничение возможностей говорения у Фуко.

Другую теорию дискурса выдвинул Эмиль Бенвенист. Этот французский исследователь был гораздо более ориентирован на языкознание и тесно связан с англоязычными концепциями речи, прежде всего, с учением о речевых актах Дж. Остина. Бенвенист предложил разделять в текстах повествование и речь, архетипом здесь, вероятно, стало выделение в античных текстах текста автора и речей, в которых отражалась субъективность героев повествования [9]. Если воспользоваться более поздним делением речевых актов у Остина, то Бенвенист предложил считать дискурсом иллокутивные и перлокутивные речевые акты, а локутивные акты — нет. Для Бенвениста дискурс — это только те высказывания, которые имеют своего адресата, т. е. у него речь идет о диалоговой концепции дискурса.

Если Бенвениста еще можно считать близким к Фуко и Барту, то Хабермас ушел настолько далеко, что можно говорить о второй большой концепции дискурса — концепции Хабермаса. Так же, как и с концепцией Фуко, я в дальнейшем буду называть концепцию дискурса Бенвениста - Остина - Серля - Бюлера - Хабермаса концепцией дискурса Хабермаса.

Предваряя концепцию дискурса Хабермаса, необходимо отметить два момента. Во-первых, дискурс у Хабермаса является вспомогательным понятием. Во-вторых, концепция дискурса у Хабермаса почти полностью соответствует концепции Бенвениста, изложенной выше, за исключением нескольких моментов.

В 1970 г. Хабермас выдвинул концепцию коммуникативной компетенции, в противоположность компетенции лингвистической. Речь шла о том, что для осуществления интеракций агент должен знать не только нормы языка, но и нормы общения, участвовать в дискуссиях. «Для того чтобы участвовать в нормальном дискурсе, говорящий должен иметь в своем распоряжении, помимо языковой компетенции, базисные характеристики речи и символический интеракции (ролевого поведения), которые можно назвать коммуникативной компетенцией. Таким образом, коммуникативная компетенция означает совершенное владение приемами идеальной речевой ситуации» [цит. по:10, с. 138]. Хабермас понимает под дискурсом совокупность иллокутивных речевых актов как структуры и содержания межличностных интеракций, т. е. обсуждение. Чтобы отделить иллокутивные речевые акты от перлокутивных, Хабермас предложил конструкт идеальной речевой ситуации, которая есть выполнение следующих условий: равенство шансов на применение иллокутивных речевых актов, равенство шансов на тематизацию мнений и их критику, свобода от подавленных комплексов в смысле Фрейда, отсутствие перлокутивных речевых актов [11, S. 177].

Дискурс у Хабермаса конституируется коммуникацией, а не проблематизацией, как у Фуко. Не дискурс возникает по поводу проблемы, а проблемы репрезентируются дискурсом. В книге «Познание и интересы» [12] Хабермас предложил выделить три вида интересов, в более позднем творчестве Хабермаса эти три интереса трансформировались в три мира человека. Выделение трех миров связано с влиянием Канта, а также с влиянием функций языка, выделенных Бюлером [13, с. 34] и теории речевых актов Серля.

Первый мир — объективный мир, второй мир — мир социальный или intersubъективный, третий мир — субъективный или экспрессивный. К первому миру относится когнитивно-инструментальный дискурс, ко второму миру — морально-практический дискурс, к третьему миру — эстетико-этический дискурс. В каждом

из этих трех дискурсов имеются свои притязания на истину [14]. Сходную, но не дискурсивную концепцию предложил Энтони Гидденс в теории стратификационной модели агента [15].

В силу ориентации на Канта Хабермас, так же как Гидденс, вернулся к субъективности как к точке отсчета при построении теории и, соответственно, перешел от речевых актов Остина, которые intersubъективны, к функциям языка Карла Бюлера, последователя Гуссерля. В “Теории коммуникативного действия”, рассматривая дискурс как формы аргументации, Хабермас выделил дискурсы: теоретический, экспликативный, практический, терапевтический и эстетический [16, S. 45]. Он отнес обоснование некоторых аспектов объективного мира к терапевтическому дискурсу и разделил субъективный мир между терапевтическим, эстетическим и экспликативным дискурсами.

Все дискурсы относятся к сфере коммуникативного действия и противостоят сфере стратегического действия в той мере, в какой они относятся к идеальной речевой ситуации. Главным становится морально-практический дискурс, соответствующий практическому разуму у Канта, а у Гидденса — рефлексивному мониторингу действия. Этот дискурс организует коммуникативный разум, или коммуникативную рациональность. Последняя выступает как основание и сущность коммуникационного действия. Этика Канта, переписанная через морально-практический дискурс в коммуникативную этику, увязанная с этикой Роулза и его последователей [2; 17], а также с теориями Апеля [18], выходит в работах Хабермаса начала 1980-х гг. на ведущее место. Эта этика является своеобразной операционализацией Хабермасом его понимания коммуникативного действия. Противостояние морально-практического дискурса, образующего коммуникативную рациональность, рациональности у Вебера, выражающей инструментальные дискурсы, эксплицирует критику Хабермасом ориентации на стратегическое действие у Вебера.

Теория позиции в поле политики

Г. Алмонд и С. Верба определяют позицию как устойчивое отношение к чему-либо, состоящее из трех уровней: когнитивного, оценочного, эмоционального [19]. Соотношение этих трех уровней и определяемый ими характер позиции связан с политической культурой определенной социо-культурной общности. Существенным свойством такой политической позиции является ее укоренение в психике агента, носителя позиции.

Пьер Бурдьё считает, что социальная позиция определяется в социальном пространстве в зависимости от объема и структуры имеющихся у агента капиталов. Кроме того, агент может занимать, в зависимости от своей социальной позиции, другие позиции в подпространстве социального пространства — в различных полях, в частности в поле политики.

Политическая позиция агента в поле политики является совокупностью его политических диспозиций. Иначе говоря, позиция у П. Бурдьё имеет онтологический характер (в смысле “фундаментальной онтологии” М. Хайдеггера), а в трактовке Алмонда-Вербы имеет характер субъективного отношения в узком кантовском смысле.

В дальнейших рассуждениях под политической позицией понимается такая конструкция:

1. Политическая позиция выражает социальную позицию агента в том смысле, что образуется из последней в поле политики и зависит от социальной позиции.

2. Политическая позиция существует только в поле политики и определяется по отношению к другим позициям в этом поле.

3. Дополнительным к политической позиции является понятие габитуса у Бурдьё, который есть система диспозиций. Габитус выступает как политическое бессознательное в дополнение к политическому сознанию, которое выражается политической позицией.

Публичная сфера как основание дискурса и ее критика

Основанием дискурса, по мнению Хабермаса, является категория публичной сферы: именно в ней осуществляется дискурс в смысле Хабермаса. У Хабермаса существуют две взаимно релевантные интерпретации того, что он понимает под концепцией публичной сферы. Первая изложена в работе «Структурное изменение публичной сферы» [20]. В ней исходным пунктом рассуждений выступает гражданское общество, главным образом, в трактовке Гегеля. Публичная сфера (Oeffentlichkeit) есть та открытость (Oeffentlich), которая существовала в противоположность закрытости частной жизни в Древней Греции. Если в Древней Греции существовали всего две сферы — сфера общего и сфера частного, — то в современности сфер гораздо больше, и публичная сфера — одна из них наряду с приватностью, политикой и экономическими отношениями. Публичная сфера выступает посредником между частными интересами граждан и интересами государства, организующего общество.

Вторая концепция публичной сферы изложена Хабермасом в «Теории коммуникативного действия» [21]. Основное отличие от первой концепции — разрыв с понятием гражданского общества; те функции, которые выполняет гражданское общество, разделены у Хабермаса на две различные сферы, связанные с типологией социальных действий. Второе понимание публичной сферы перетолковывает ее в духе Вебера и Парсонса. Из гражданского общества выделяется сфера целедостижения, связанная с инструментальным разумом и стратегическим действием, это сфера экономики, т. е. экономическая система, интегрированная с помощью денег и аналогичная государству как политической системе, также направленной на целедостижение.

Публичная сфера локализуется в сфере жизненного мира (Lebenswelt), понимаемого как дополнение к коммуникативному действию, как сфера понимания. Жизненный мир, в отличие от систем, интегрируется социально, через обыденные коммуникации и согласование действий на основе понимания.

По мнению Хабермаса, жизненный мир разделяется на две сферы: во-первых, это коммуникации, направленные на частные интересы, т. е. приватность, а во-вторых, это коммуникации, направленные на общие интересы, т. е. публичная сфера. Таким образом, публичная сфера понимается как сфера коммуникативного действия, направленного на общие интересы; это совокупность обыденных неприватных коммуникаций, противостоящих политической и экономической системам, которые интегрируются посредством власти и денег.

Концепция публичной сферы указывает на равную опасность для публичной сферы не только политической системы в виде государства, но и экономической системы как коммерциализации структур публичной сферы. Для Хабермаса публичная сфера выступает как инфраструктура коммуникативных действий и поэтому оказывается главной носительницей дискурсов и именно той сферой, которая организует идеальную речевую ситуацию.

С прежней теорией публичной сферы эта теория согласуется посредством тезиса о том, что в античности общество было тождественно жизненному миру, и лишь в средние века и в новое время произошло выделение систем, которые ему противостоят [22]. Хабермас перетолковывает свои исторические изменения, изложенные в работе «Структурное изменение публичной сферы», в теоретическом ключе, в духе теории жизненного мира и теории Парсонса; публичная сфера вы-

ступает уже не как историческая реальность, а как реальность структурно-социальная, как элемент теоретизирования о природе современного общества [23].

В своих последних книгах Хабермас развивает тему публичной сферы посредством требования об институционализации и правовой легитимации дискурсов, созданных в публичной сфере [24]. Публичная сфера выступает как ставка в игре против политической системы и как основание легитимности ее правовых ограничений, созданных в дискурсах. Одновременно Хабермас говорит об этике в духе Канта как обосновании этих дискурсов и выработке норм в публичной сфере. Именно этика Канта выступает формальным описанием публичной сферы как сферы дискурса о всеобщем благе. Хабермас переформулировал категорический императив Канта в коммуникативном смысле и положил его в основание этики публичной сферы [25].

Можно переосмыслить понятие публичной сферы через понятие социального (коммуникативного) капитала в книге Патнема: “Чтобы демократия сработала” [26, с. 202—219]. Патнем выразил мнение, что именно наличие коммуникативного капитала является условием экономического развития и политической успешности в наше время и в будущем. Здесь он является, во-первых, последователем Даля [27; 28], а во-вторых, указывает на тесную связь между идеями Хабермаса и Даля. Увязанность идей этих двух теоретиков выражается в концепции “демократии участия”, противостоящей политической системе.

Значительное количество исследователей с сомнением относятся к существованию в современном обществе той реальности, которую отражает Хабермас в теории публичной сферы. Причем отрицание этой реальности началось задолго до ее теоретического описания Хабермасом. Часть этих сомнений описывает сам Хабермас во многих своих работах. Как пишет Фуко, то, что обсуждает публичная сфера, определяется формацией дискурса, который как бы вкладывает себя в уста агентов и всей публичной сферы. Слабая солидарность не способна сама создать дискурс, а потому управляется посредством дискурсов сильных солидарностей, элит. Бурдье отмечает, что способность иметь личное мнение непосредственно связана с доступом к политическому производству [29]. Наличие дискурсов и их институционализация не гарантируют их независимость даже в условиях идеальной речевой ситуации, т. к. отсутствие культурного капитала и досуга у агентов не позволяет им эффективно бороться с существующим консенсусом. Интересы и проблематизации выражаются через дискурсы в смысле Хабермаса, а не через личное мнение участников.

Бурдье указывает на неравенство в распределении культурного и экономического капитала как на условие, препятствующее образованию коммуникативного. Кроме того, через привилегированный доступ к политическому производству именно представители элиты вырабатывают дискурсивные формации, с которыми и выступают участники дискурсов в смысле Хабермаса.

Таким образом, в публичной сфере создается ситуация, которая существует помимо СМИ, но которую функционирование СМИ делает еще более тяжелой. С одной стороны, для того чтобы участвовать в дискурсах и выборах, необходимо свободное время и культурный капитал как условия политической компетенции. Значительная часть населения молчит в современных дискурсах и будет молчать, даже если они будут институционализированы, а дискурсивно полученные консенсусы станут юридически обязательными, т. к. у этих людей нет возможности сформировать свое личное мнение. А это значит, что им навязывается консенсус тех, кто говорит в дискурсах. Хабермас не учитывает, что сила аргументации связана с принадлежностью агента к политической или экономической системам. Бюрократия бумажки будет просто заменена бюрократией слова. С другой стороны, сами проблемы, которые могут быть вынесены в дискурс, и те точки зрения, ко-

торые участники дискурсов высказывают, возникают не столько из их глубокого внутреннего знания особенностей политической жизни, сколько из определенных одновременных им дискурсивных формаций. Политические дискурсы для этих целей создаются политиками, и именно политики наиболее компетентны относительно их. Бурдье характеризует эту ситуацию как монополию профессионалов.

Кроме того, что СМИ делают проблематичными свободные дискурсы, они навязывают доминируемым свои диспозиции, лишают возможности создания личного мнения о политике, подавляют своей политической компетенцией политическую компетенцию рядовых граждан, заставляют молчать и так молчащих, говорят за них и вместо них. СМИ закрепляют монополию профессионалов и поддерживают автономизацию поля политики за счет ограничения доступа в СМИ «не политиков». Кроме того, СМИ являются идеальным механизмом политического производства, через СМИ принятые дискурсивные формации делаются единственно возможными и доводятся до всех агентов. Так, каждый в меру своих экономических познаний может судить об успешности экономической политики правительства через цифры прироста ВВП. Те, кто обладают минимальным объемом знаний в экономике, убеждаются, что «по науке» все хорошо, те, кто обладают большим объемом знаний в этой области, — что стабилизация есть. Но не многие знают, что прирост ВВП есть просто уловка с его подсчетом, на самом деле прироста нет, но количество знающих это минимально.

Тотальность дискурсивных формаций нашла в СМИ идеальный механизм своего существования. Однако не столь мрачны перспективы демократии участия, есть и светлые стороны, основания для надежды. Само существование дискурсов требует также и гарантий их успешности. На это обратил внимание Роберт Даль в своей работе «Введение в экономическую демократию» [27].

Коммуникативный капитал возникает лишь там, где нет ярко выраженного неравенства в распределении, прежде всего, экономического капитала. Кроме того, условием успешности дискурса является наличие свободного времени у большинства населения, к чему и идут страны Запада. И, наконец, само участие в таких дискурсах создает у его участников необходимые объемы культурного капитала, политическую компетенцию, достаточную для выражения своего интереса, и обеспечение учета этого интереса в консенсусе.

Дискурс может выступать как самоорганизующаяся система, способная выработать у своих участников необходимые навыки для успешности ее функционирования в качестве политического института [30]. Наличие журналистов и других производителей политической продукции в условиях плюралистической демократии способно разрушить монополию профессионалов и автономию поля политики. Экономически фундированная демократия сможет подчинить себе и СМИ.

Таким образом, перспективы борьбы жизненного мира против политической и экономической систем через институционализацию дискурса и коммуникативный капитал имеют как оптимистичные, так и пессимистичные перспективы. Автономность публичной сферы в будущем имеет возможности для реализации.

Дискурс, политические позиции и особенности политики в России

Политическая позиция и социальная позиция «зависают» между двух теорий дискурса. Если дискурс в концепции Фуко выступает внешним организатором позиций, то дискурс Хабермаса проявляется в особенностях политической и социальной позиций агента. Дискурсивная формация есть история позиции, логика поля политики, политическая позиция выступает как место в дискурсе, а дискурсивная формация своей структурой устанавливает места (социальные позиции), из которых могут исходить входящие в нее дискурсы. Дискурсивная формация оказывается тем, что говорит через агента посредством его политической позиции, это

то, что распределяет дискурсивные практики в поле политики, в рамках определенной проблематизации.

Примером может служить дискурсивная формация, проблематизирующая ситуацию вокруг Черноморского флота. Эта проблема — часть дискурса национал-патриотизма и воинских традиций, поэтому чем ближе политик к военным и национал-патриотам, тем легче ему говорить о флоте, и, наоборот, если политик далек от этих дискурсов, то ему нечего сказать об этих проблемах, например Гайдари. Это определяется не столько отношением агента к проблеме и его личным мнением (в политике личные мнения очень редки), а правилами распределения речевых актов в дискурсивной формации. Не агенты определяют, что им говорить о флоте в зависимости от своей социальной позиции, а характер проблемы, то есть дискурсивная формация, выделяет те политические позиции, с которых в ней можно говорить.

В концепции дискурса Хабермаса главными оказываются те условия, которые делают для каждого конкретного агента возможным участие в дискурсах, и те общие условия поля политики, которые допускают возможность идеальной речевой ситуации. Противостояние жизненного мира и систем, на уровне позиции, выражается через противостояние культурного и экономического капиталов. Чем больше в структуре капиталов, чем больше объем культурного капитала, тем более социальная позиция проявляет себя в поле политики в качестве политической позиции интеллектуала. Агент, имеющий политическую позицию интеллектуала, склонен требовать в поле политики дискурсов о ней и добиваться создания условий для идеальной речевой ситуации. В поле политики России такие характеристики политической позиции отчасти имеют Явлинский и Жириновский. Наоборот, большой объем экономического капитала на фоне малого объема культурного капитала создает такую социальную позицию, которая в поле политики образует политическую позицию, ориентированную на забалтывание или умолчание политических проблем. Агенты, имеющие только политическую позицию, склонны к недопущению идеальной речевой ситуации в поле политики и иерархизации доминирования в этом поле и к ограничению дискурсов о политике и замене их квазидискурсами о политике, например, обсуждением здоровья президента. Такие характеристики политических позиций свойственны в России Ельцину и Черномырдину.

Таким образом, условием для делибитарной демократии является преобладание культурного капитала над экономическим в структуре капиталов ведущих политиков, которое определяет их социальную позицию и ее выражение в поле политики в виде политической позиции.

Политические позиции наших политиков построены таким образом, что они вынуждены ориентироваться на политическую и экономическую системы, т. е. физическое насилие и деньги, а не на солидарность и не на коммуникации о политике на граждан. Поэтому они не имеют интенций решать свои проблемы через обсуждение, где они могут проиграть. Проект, выдвинутый Робертом Далем в книге «Введение в экономическую демократию», теоретически имеет больше шансов на успех.

Когда Ричард Рорти призывает философов быть приватными и не навязывать свои идеи публичной сфере, он лишь констатирует сложившуюся ситуацию и призывает ее не изменять [31]. В публичной сфере, т. е. в коммуникациях, особенно в американской, господствуют социальные позиции с преобладанием экономического капитала. Поэтому попытка философов, т. е. агентов, социальные позиции которых характеризуются преобладанием культурного капитала, проникнуть в публичную сферу, может привести к глубоким изменениям характера коммуникаций о политике, даже к революционным событиям.

Особенности коммуникативности (склонности к коммуникативному действию) политиков России

... Я выношу на суд читателя результаты своего исследования, питая надежду, что они прольют некоторый свет на поставленную проблему, и приношу все необходимые извинения тем, кто озабочен в первую очередь проблемами валидности, надежности или репрезентативности.

А. Маслоу [32, с. 220]

Данный раздел построен на материалах двух исследований, проведенных автором. Первое исследование было проведено в 1997 г. на материале текстов, относящихся к периоду выборов 1995 — 1996 гг. Второе исследование проведено на материале телевизионных выступлений партийных лидеров в период выборов 1999—2000 гг. Оба исследования построены на подсчете числа “ссылок на другого” в речи партийных лидеров. «Ссылка на другого» связана с типологией речевых актов Джона Остина. Он разделил речевые действия на локутивные, иллокутивные и перлокутивные:

«Действие (А), или Локуция

Он сказал мне «Стреляй в нее!» подразумевая под «стреляй» — стреляй, а под «она» — осуществляя референцию к ней.

Действие (В), или Иллокуция

Он настоял на том (или приказал, посоветовал и т. д.), чтобы я застрелил ее.

Действие (С), или Перлокуция

Он заставил меня (добился того и т. д.) застрелить ее» [33, с. 89].

Предполагается, что коммуникативное действие связано с иллокутивным речевым актом (это гипотеза Хабермаса), а степень иллокуции возможно измерить числом ссылок на других (это моя гипотеза). Число упоминаемых социальных субъектов может указывать как на стратегическое, так и на коммуникативное действие. Число ссылок на других является показателем способности к диалогу, но оно не тождественно коммуникативному действию. Ссылка на другого, иллокутивный речевой акт и коммуникативное действие связаны между собой не органически, а интуитивно, как различные измерения степени коммуникативности.

Мною также был осуществлен подсчет числа местоимений Я/Мы в телевизионных выступлениях партийных лидеров. Данный анализ связан с работой Норберта Элиаса «Изменение Мы-Я-баланса» [34], число местоимений указывает на ориентацию типа «Мы-идентичность» или типа «Я-идентичность» и отражает соотношение идентичностей для конкретного партийного лидера. Этот индикатор измеряет степень ориентации на группу, а иногда и на собеседника.

Для уточнения некоторых аспектов анализа используется работа Н.Д. Павловой “Диалог и его институциональная организация” [35]. Существенное отличие моего исследования от исследования Павловой состоит в отказе от понятия интенциональности, вокруг которого построена книга Т.Н. Ушаковой и Н.Д. Павловой.

По применяемой методике мой анализ ближе к анализу американского исследователя Ричарда Андерсона [36], который строит свое исследование влияния речевых практик политических лидеров на изучении состояния политических коммуникаций, анализируя частотность употребления слов “можно” и “должно” в их речи. Сходство также состоит в сопоставлении двух временных периодов (Андерсон сравнивает эпоху застоя с нынешней ситуацией).

Целью исследования-наблюдения 1997 г. было установить влияние личных характеристик, в том числе одного параметра речевой деятельности, на успеш-

ность взаимодействия со средствами массовой информации у четырех основных в то время политических деятелей России.

Для этого определяется их принадлежность или непринадлежность к «новому классу» и «культуре критического дискурса», — понятия заимствованы у американского социолога Э. Гоулднера («Новый класс обладает общей идеологией в культуре критического дискурса и общими интересами в своем культурном капитале» [37, р. 31]) и используются здесь в смысле принадлежности политика социальным слоям, относительно гомогенным социальному слою функционеров СМИ, как принадлежность к группе агентов со специфическим характером культурного капитала и специфическими социальными позициями в смысле Пьера Бурдьё.

Я предполагаю, что принадлежность к «культуре критического дискурса» сопровождается высокой способностью к дискурсу или коммуникативности, т. е. к включенности в коммуникации о политике в смысле Хабермаса. Чем больше в нарративе политика содержится ссылок на других, тем более он способен к коммуникации о политике. Ссылки на других понимаются как показатель иллокутивных речевых актов в концепции Остина или как показатель плана речи в концепции Бенвениста. Следовательно, считая количество ссылок на других в нарративах политиков, можно установить силу коммуникативности или иллокутивности у четырех политиков России. Остальные используемые данные о них я беру как наблюдаемые константы из жизненного мира СМИ в России.

Четыре ведущих в 1997 г. политика России — Ельцин, Жириновский, Зюганов, Явлинский. Предполагается, что эти четыре политика отношениями между собой конституировали всю сферу легитимной политики в России. Эти четыре политика выражали четыре главных направления в политике России, они организовывали четыре корпуса электората и электоральных ожиданий. Эти четыре политика — характерные представители четырех основных групп политиков в России.

Б.Н. Ельцин. Использовалась статья «Вопросы избирателей президенту» в газете «Выбирай» [38]. В ней 9 ссылок на других. Это минимальное число иллокутивных актов из четырех политиков. Ельцин не настроен к коммуникациям о политике со своими оппонентами.

Ельцин получил техническое образование, всю жизнь работал в бюрократических структурах, следовательно, от функционеров СМИ далек, к «культуре критического дискурса» не принадлежит. Его общение со СМИ я считаю неэффективным.

Г.А. Зюганов. Использовалось интервью в «Общей газете» «Консерватор с коммунистическим лицом» [39]. В ней содержится 10 ссылок на других, или иллокутивных речевых актов. Отличие от Ельцина минимально. Зюганов также далек от функционеров СМИ, не принадлежит к «культуре критического дискурса». Эффективность общения со СМИ у Зюганова также очень низкая.

В.В. Жириновский. Использовалось интервью с В.В. Жириновским в газете «Сокол Жириновского» [40]. В нем содержится 25 ссылок на других, или 25 иллокутивных актов. Очень существенное отличие от нарративов Ельцина и Зюганова.

Жириновский получил два гуманитарных образования, по одному из них — журналист, он гомогенен функционерам СМИ, следовательно, принадлежит к «культуре критического дискурса». Эффективность использования Жириновским коммуникации через СМИ — одна из самых высоких в политике России. Он успешно использует СМИ в своих целях.

Явлинский Г.А. Использовалось интервью в «Общей газете» «Стратег сорока правильных шагов» [41]. В нем содержится 31 ссылка на других, или 31 иллокутивный речевой акт. Близко к Жириновскому, отлично от Ельцина и Зюганова.

Явлинский — ученый, ориентированный на максимальное использование СМИ для решения своих задач, он принадлежит к «культуре критического дискур-

са». Успешность общения со СМИ у Явлинского максимальная из четырех политиков. В отличие от Жириновского, он ориентирован не на противостояние со СМИ, а на согласие с ними.

Принадлежность к «культуре критического дискурса» влияет положительно на количество иллокутивных актов в речи. Большое число иллокутивных актов, или ссылок на других, может считаться сигналом принадлежности к «культуре критического дискурса». Способность к «Мы-перспективе» связана с количеством иллокутивных актов в речи или в нарративе, следовательно, зависит от принадлежности к «культуре критического дискурса».

Успешность общения со СМИ у политиков зависит от количества иллокутивных речевых актов в их речи. Коммуникативность политика может измеряться через количество ссылок на других в его нарративах.

В 1997 г. в политике России существовали две пары лидеров. Первая пара состояла из Ельцина и Зюганова. Эта пара имела низкую коммуникативность и плохо была способна использовать СМИ. Эта пара доминировала в политике России. Вторая пара состояла из Жириновского и Явлинского. В 1997 г. они имели высокую коммуникативность и максимально использовали коммуникацию через СМИ. Но эта пара была дополнительной к первой и занимала второстепенное положение по отношению к власти.

Следовательно, в 1997 г. в России власть не была связана со способностью к коммуникации о ней. Способность к эффективному использованию СМИ не сопровождалась обладанием властью. Политики в России ориентировались не на коммуникации, а на другие, «недискурсивные», по выражению Фуко, факторы. Сравнение результатов 1997 г. с результатами 2000 г.* можно наблюдать в табл. 1.

Таблица 1. Поле политики в 1997 и 2000 гг.

Политики 1997	Число ссылок	Политики 2000	Число ссылок
Б.Н. Ельцин	9	В. В. Путин	87
Г.А. Зюганов	10	Г.А. Зюганов	13
В.В.Жириновский	25	В.В. Жириновский	74
Г.А.Явлинский	31	Г.А. Явлинский	42
		Е.М. Примаков	60
		С.В. Кириенко	41
В среднем	18,75	В среднем	52,83
		Б. Клинтон	51

Из таблицы видно, что в поле политики произошли существенные структурные перемены, среднее число ссылок на других по данным исследования 1997 — 18,75, а в 2000 г. этот показатель составил 52,83. Как и в 1997 г., в 2000 г. в поле политики имеются две группы, но теперь одна группа представлена Зюгановым, а вторая — всеми остальными. Это означает, что позиция власти ныне заполнена представителями «культуры критического дискурса», группа, доминировавшая в 1997 г., представленная Зюгановым, ныне занимает маргинальную позицию. Эти данные подтверждаются результатами изучения Я-Мы-баланса у партийных лидеров, которые представлены в табл. 2.

Таблица 2. «Я-Мы-баланс» у партийных лидеров в 2000 г.

* По данным анализа эквивалентных (15 мин.) телевизионных текстов партийных лидеров периода декабря 1999 — марта 2000 г.

Политики	Число местоимений “Я”	Число местоимений “Мы”	Соотношение “Я” / “Мы”	Соотношение “Мы” / “Я”
Г. Зюганов	33	3	11	-*
Е. Примаков	29	16	1,8	-
В. Путин	49	12	4	-
В. Жириновский	7	21	-	3
Г. Явлинский	42	27	1,6	-
С. Кириенко	60	15	4	-
В среднем	36,66	15,66	4,48	3
Б. Клинтон	20	46	-	2,3

Согласно этим данным, Зюганова также можно выделить среди партийных лидеров современной России: минимальное число “Мы” и соотношение Я/Мы, равное 11. Он в целом стремится достигнуть взаимопонимания со слушателями, но в рамках приватной сферы, например, единственный из партийных лидеров обсуждает свою семью. Однако в публичной сфере он не стремится к иллюкутивным речевым актам. Он склонен либо абстрактно рассуждать, либо приказывать.

По соотношению Я/Мы можно выделить Путина и Кириенко, а также Жириновского в одну группу, а Явлинского и Примакова в другую. Первая группа, если исходить из наблюдений за Кириенко и Жириновским, склонна к стратегическому действию, т. е. к манипулированию другими людьми в своих интересах. Вторая группа ориентирована на коммуникативное действие, т. е. на достижение взаимопонимания. Что касается Зюганова, то его показатель, равный 11, вероятно, означает, что он не готов к политической деятельности, т. е. не любит работать с людьми как политик. Для сравнения приводится соотношение Я/Мы в речи Б. Клинтона: Я — 20, Мы — 46.

Формулируя выводы данного исследования, можно утверждать, что:

1. Российские политики 2000 г. более ориентированы на политические коммуникации, чем политические лидеры 1997 г., что подтверждается средними показателями в 1997 и в 2000 гг.

2. У всех партийных лидеров России (кроме Жириновского) число местоимений “Я” в речи значительно превосходит число “Мы” (у Клинтона наоборот). Следуя гипотезе Рональда Инглехарта [42, р. 22], развивающей положения А. Маслоу о стремлении людей к дефицитным ценностям, можно предположить, что в России больше нужны политики, ориентированные на индивидуализм. Лидером по числу местоимений “Я” оказался Кириенко.

Опираясь на работу Норберта Элиаса, можно предположить, что политик должен постоянно соотноситься с “Я/Мы-балансом” в своем мировоззрении, отражением чего и является число местоимений в речи. Оптимальное соотношение Мы-идентичностей и Я-идентичностей у политика должно, вероятно, лежать в районе двух. Чем дальше политик от этого соотношения отходит, тем менее харизматической фигурой он кажется. Согласно этой гипотезе, самой не харизматической фигурой является Зюганов, а Примаков, Явлинский и Клинтон являются харизматическими фигурами. Эта гипотеза в целом соответствует наблюдаемой реальности.

Литература

1. Барт Р. Лекция // Барт Р. Избранные работы. М.: Прогресс 1994.
2. Рокмор Т. К критике этики дискурса // Вопросы философии № 1 1995.

* Пропущенные значения не важны для целей анализа автора.

3. Барт Р. Мифологии // Барт Р. Избранные произведения. М.: Прогресс 1994.
4. Маркузе Г. Одномерный человек. М.: "REFL-book" , 1994.
5. Уинч П. Идея социальной науки. М.: Русское феноменологическое общество, 1996.
6. Хайдеггер М. Путь к языку // Хайдеггер М. Время и бытие. М.: Республика 1993.
7. Беседа с Ф. Эвальдом // Фуко М. Воля к истине. М.: Магистериум-Касталь, 1996.
8. Фуко М. Археология знания. Киев: Ника-Центр 1996.
9. Бенвенист Э. Отношение времени во французском глаголе // Бенвенист Э. Общая лингвистика. М.: Прогресс, 1974.
10. Белл П. Социоллингвистика. М.: Международные отношения, 1980.
11. Habermas J. Vorstudien und Ergaenzungen zur Theorie kommunikativen Handelns. F. a. M.: Suhrkamp, 1983.
12. Habermas J. Erkenntnis und Interesse. F. a. M.: Suhrkamp, 1973.
13. Бюлер К. Теория языка. М.: Прогресс 1993.
14. Habermas J. Erlauterung zur Diskursethik. F. a. M.: Suhrkamp, 1992.
15. Giddens A. The constitution of society. Cambridge: Polity Press, 1986.
16. Habermas J. Theorie des kommunikativen Handelns. Band 1. F.a.M.: Suhrkamp, 1995.
17. Хабермас Ю. Примирение через публичное употребление разума. Замечание о политическом либерализме Джона Роулза // Вопросы философии. 1994. № 2.
18. Apel K.-O. Transformation der Philosophie. F.a.M.: Suhrkamp, 1976.
19. Almond G. Verba S. The Civil Culture. Princeton: Princeton University Press, 1963.
20. Habermas J. Strukturwandel der Oeffentlichkeit. Untersuchungen zu einer Kategorie der buergerlichen Gesellschaft. F.a.M.: Suhrkamp, 1990. (1962)
21. Habermas J. Theorie des kommunikativen Handelns. Band 1–2. F.a.M.: Suhrkamp., 1995. (1981)
22. Habermas J. Legitimationsprobleme im Spattkapitalismus. F.a.M.: Suhrkamp, 1973.
23. Хабермас Ю. Модерн — незавершенный проект // Вопросы философии. № 4. 1992.
24. Habermas J. Faktizitaet und Geltung. F.a.M.: Suhrkamp, 1995. (1992)
25. Habermas J. Moralbewuestsein und kommunikatives Handelns. F.a.M.: Suhrkamp, 1992. (1983)
26. Патнем Р. Чтобы демократия сработала. М.: Ad Marginem, 1996.
27. Даль Р. Введение в экономическую демократию. М.: Наука, 1992.
28. Даль Р. Введение в теорию демократии. М.: Наука, 1992.
29. Бурдьё П.. Политические позиции и культурный капитал // Бурдьё П. Социология политики. М.: Socio-Logos, 1993.
30. Uhr J. Deliberative Democracy in Australia. Cambridge: Cambridge University Press, 1998.
31. Рорти Р. Случайность. Ирония. Солидарность. М.: Русское феноменологическое общество, 1996.
32. Маслоу А. Мотивация и личность. СПб.: Наука, 1999.
33. Остин Д. Избранное. М.: Дом интеллектуальной книги, 1999.
34. Elias N. Wandlungen der Wir-Ich-Balance // Elias N. Die Gesellschaft der Individuen. F. a. M.: Suhrkamp, 1994.
35. Павлова Н.Д. Диалог и его интенциональная организация // Ушакова Т.Н. и др Слово в действии. СПб.: Алетейя, 2000.
36. Anderson R.D. Pragmatic Ambiguity and Partisanship in Russia's Emerging Democracy // Political Speaking / Ed. by O. Feldman, C. De Landtsheer. London: Praeger, 1998.
37. Gouldner A. The Future of Intellectuals and the Rise of the New Class. New York: The Seabury Press, 1979.
38. «Выбирай». № 4. 1996.
39. «Общая газета». № 3. 1995.
40. «Сокол Жириновского». № 4. 1996.
41. «Общая газета». № 8. 1995.
42. Inglehart R. The Silent Revolution: Changing Values and Political Styles among Western Publics. Prinston: Prinston University Press, 1977.